

**ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: <http://zavtra.ru/>**

*"Ум сердца". В двух этих словах
Василия Розанова – целое буквоено-
психологическое понятие. Может
быть, из них и следовало бы состав-
ить название, и таким образом
была бы дана одна из самых важных
характеристик Солоухина-писате-*

К 90-летию со дня рождения Владимира СОЛОУХИНА

Ныне, представляя во всей полноте русскую литературу двадцатого века, видишь, каким обособленным предстаёт в ней творчество Владимира Солоухина. Его произведения нельзя отнести к "деревенской прозе", несмотря на внешнее сходство. В его творчестве нет ничего от так называемого социалистического реализма, более того, нет ничего советского. Это утверждение может вызвать не только возражение, но и усмешку. Злоупотребитель, читавший его раннюю прозу, тотчас вспомнит абзацы о колхозах, удоях молока, а также полемику с чрезмерным культивированием кукурузы. Конечно, конечно, теперь эти абзацы кажутся не только устаревшими, но и морально сомнительными. Я не утверждаю даже, что написанно это вне конъюнктурных соображений. Но я хотел бы подчеркнуть, что подобные вкрапления обнаруживают себя в повествовательной ткани неорганическими. Поэтому: что они есть, что их нет – всё равно.

Нельзя пройти мимо "жанровой проблемы" в творчестве Солоухина. Что такое "Капля росы" – роман, повесть, пространный очерк? Может быть, поэма? Я не шучу и не ехидничаю. Но одно из известных жанровых определений не подходит к этой удивительной книге. Казалось бы, изъятая из традиционных жанровых рамок, "Капля росы" должна бы лишиться и привычной жизнеспособности. Книга написана в 1959-м году, более полувека назад, но и теперь остаётся она живой, притягательной, ничуть не устаревшей. (Сколько романов, написанных по всем канонам жанра, кануло в Лету за это время?) Значит, всё-таки, строгое следование жанру не имеет в литературе решающего значения, или, точнее, литература позволяет в редких случаях исключения. Раннее творчество Солоухина критики называли "лирической прозой". Что же, это название не исчерпывающее, но более или менее правильное.

Нельзя не обратить внимания на лёгкий и прочный слог его повествований; ещё – на удивительную правдивость каждой метафоры и то, как точно соответствуют слова изображаемому явлению. В годы оные о нём могли бы сказать: "Прекрасный стилист". Но это неправда. Никаким "стилистом", ни хорошим, ни плохим, Солоухин не был. Его дар был более значимый: соответствие слова изображаемому явлению.

*ля, Солоухина-человека. Но критик,
рассказывая о писателе, пытается
вольнo или невольнo определить
его место в литературе. И для
этого нужно выразить менее
красноречиво, но более точно: "Ли-
тература сопротивления".*

Именно здесь – ключ к длительной жизнеспособности его прозы. Это природный дар, этому нельзя научиться. (Всю жизнь пытался научиться словесной оригинальности, например, Валентин Катаев, но так и не преуспел. Оригинальности он добился, но искусственной.) У Солоухина с его уникальным

Илья КИРИЛЛОВ

словесным даром были и основания, и возможности затвориться в замке из "слоновой кости", как сделал это, например, Ю.Казakov. Но чувство родины, я бы сказал, физиологически обостренное её восприятие, двигало им. "Увидеть Россию сквозь внешние очертания советской действительности", – так он выразится позднее о пафосе и сверхзадаче "Владимирских просёлков" (1957). Официоз, казёнщина, метод социалистического реализма не совпадали со стилем Солоухина, естественным, ни в каком смысле не нарочитым, отчуждали его от советской действительности. Но не от народа. Напротив! Подлинность, которая была в творчестве, диктовала подлинность в жизни. Многие это подлинность чувствовали. Солоухину писали письма, с ним заводили знакомства. Способствовало ему ещё и благодатная черта личности – мгновенно отозваться на чью-то мысль или чувство. Очевидно, были и такие встречи, которые проливали свет на русскую историю двадцатого века. Не всю "прехнюю" интеллигенцию удалось истребить, кое-кто выжил благодаря воле и аскетизму. В заграничных поездках он искал встреч с русской аристократией, и ему не отказывали. В будущем всё это сыграет решающую роль в мировоззрении писателя и в его творчестве. Но об этом позднее...

Лучшей его книгой, если говорить о периоде "лирической прозы", следует назвать "Каплю росы". Так прониновенно о родной земле и о людях, на ней живших, – или погибших за её освобождение, – до Солоухина ещё никто не писал. Впрочем, я не совсем прав. В русской классической литературе, действительно, этого не было, ведь никто и не посягал тогда на род-

ную землю. А вот в поэзии Александра Блока, в этой последней главе русской классической литературы, есть удивительное стихотворение "Последнее наступствие" – с предчувствием гибели родной земли и её осквернения. Умирая, его лирический герой окидывает внутренним взором всё, что было ему дорого и, кто знает, может быть останется живым, важным и после смерти.

*... Что ж, конец?
Нет... Ещё леса, поляны,
И просёлки, и шоссе.
Наша русская дорога,
Наши русские туманы,
Наши шелесты в овсе...*

А дальше – провал, пустота. Для людей, пришедших в литературу, Россия никакой "лирической величиной" (А.Блок) не являлась. (За исключением, С.Есенина, конечно.) Это было ме-

будущего писателя. Едва ли не каждый художник касается в своём творчестве темы детства, но мало кто, как Солоухин, возвращался бы к ней на протяжении всей жизни. ("Капля росы", "Мать-мачеха", "Смех за левым плечом", "Последняя ступень" – и каждая из этих книг пронизана особым вдохновением и любовью!) Но даже в ранних книгах вдохновение смешано с горечью.

Она не только от того, что исчезло безвозвратно золотоголовое детство. За этой горечью – недосказанность. Детство было, оказывается, изломанным. Родившийся в 1924-м, в крестьянской средне-зажиточной семье, он ребёнком увидел слом мира, в котором выростал, – уничтожение русского крестьянства. Шести-семилетний мальчишка вполне мог оказаться где-нибудь на Крайнем Севере, с отцом или

Книга могла оказаться последней. Тот факт, что её нигде невозможно было опубликовать, тоже имело своё значение. Без преувеличения, книга писалась "перед лицом вечности".

Однако мне хотелось бы оставить в стороне все жизненно-личные обстоятельства автора. Никакими внешними факторами не объяснишь появление "Последней ступени".

Конечно, к середине 70-х годов уже произошло, ещё приблизительное, разделение на почвенников и либералов. Конечно, уже шла подспудная русско-еврейская таяжба. Но почвенникам страна казалась ещё незыблемо-прочной, а либералы, втихомолку ненавидя Сталина, с пущим энтузиазмом превозносили чистоту ленинских идей и помыслов. И вопреки взаимному отчуждению, русские и еврейские писатели, встречаясь на дорожках в Переделки-

са. А разве только русского? Разве судьба была более благосклонна к украинцам? (В поздний период творчества он напишет "Солёное озеро" – документальную повесть о трагедии хакасского народа, о зверствах ЧОНовских отрядов под руководством пропавшего Аркадия Гайдара, садиста, страдавшего, по свидетельствам людей, хорошо его знавших, маниакальным психозом.)

Вениамин Каверин (Зильбер), ровесник XX века и, так сказать, один из основателей советской литературы, в своей мемуарной книге "Эпилог" настойчиво говорит о "двадцатилетнем терроре", подразумевая сталинские тридцатые и сороковые годы. Это, конечно, нарочная подкаса, продиктованная негласным "оттепельным" решением заслонишь репрессиями Сталина все прочие злодеяния большевистской власти. Стоило бы однажды перечислить хотя бы часть нескончаемого списка преступлений, совершённых большевиками помимо Сталина.

Вот два наиболее чудовищных: убийство царской семьи и – расказачивание. Не сомневаясь в общенациональном значении убийства императорской семьи, следует сказать, что это было всё-таки для большевиков вроде Якова Свердловца (Янкеля Розенфельда) сотоварищи просто убийство, поспешное, трусливое, с попыткой тщательно скрыть его, как любое преступление. Расказачивание – другое дело.

В "Последней ступени" Владимир Солоухин скажет, что Октябрьская революция объявлялась социальной, классовой, но это была всего лишь приманка, дурман для простонародья. На самом деле это этническая революция, а именно – еврейская.

Захват власти стремительнейшим образом обернулся беспощадным террором. В революционном арсенале было ещё одно безотказное оружие – слом народной морали, всестороннее разращение нравов.

...Единожды талантливый человек талантлив во всём. Владимир Солоухин – замечательный поэт. (Следовало бы написать и об этой стороне его творчества, но это тема отдельной статьи.)

Владимир Солоухин – автор проникновенной лирической прозы с её точной, выразительной, неподражаемой образностью. Владимир Солоухин – в "Последней ступени", в "Солёном озере", в "Чаше" – страстный публицист, притом публицист многогранный. В частности, нельзя не обратить внимания и на социологическую одарённость его публицистики.

*Газетный вариант, полностью
статью см. на нашем сайте
denlit.ru*

*Беседуем с теоретиком литературы,
прозаиком, кандидатом филологических наук
Валерием ТЕРЕХИНЫМ*

"День литературы": Вы – известный исследователь русского антиингилистического романа. Появилась ли на вас его тематика при создании диалоги о рок-гитаристе "Высота вниз"?

Валерий ТЕРЕХИН: Да, безусловно. Русский антиингилистический роман стал ответом на литературные образы романов Чернышевского ("Что делать?") и Тургенева ("Отцы и дети"). Мышление Рахметова и Базарова насыщено либеральными идеями, чудными соборному российскому обществу, пропитано позитивистской философией, популярной на Западе в середине XIX века и провозгласившей "положительными" материальные ценности, от которых зависят быт и благополучие человека. Вздуровленные читатели отождествляли с нигилистами модных петербургских писателей. Добролюбова и Чернышевского ("Современник"), ратовавших за буржуазный "европейский" путь развития России, считали "умеренными" нигилистами. Благосветлова и Писарева ("Русское слово"), восторговавшихся "американской" демократией (предприимчивость и эгоизм), "радикальниками".

"Свобода" от нравственных законов в "борьбе за существование" с другими людьми, успех (success) как цель жизни: всё это воспринимает через новостные и музыкальные программы "голоса Америки" герой диалоги "Высота вниз" Олег Обухов. Он пребывает в двух мирах: реальном, где варится в серых буднях "развитого социализма", и воображаемом капиталистическом – в обществе всеобщей войны, где выдуманная им рок-группа "Монолит" прорывает стремительный путь к вершине американского шоу-бизнеса (но лишь на страницах дневника, который пишется "в стол"). Олег пропускает сквозь себя элементы западной антикультуры, сохраняя в душе нравственный стержень, взращённый на лучших образцах классической русской литературы. В годы безверия и насаждаемого властью атеизма герой диалоги воспринимает рок-музыку конца 60-х начала 70-х как религию, его мироощущению созвучен протест молодёжи поколения "хиппи", выступавшей против общества потребления (помните хит Джона Леннона "Хочу правды"?). Отсюда и стремление Олега Обухова совершать благородные поступки, отсутствие боязни в коллизиях, когда ему (убеждённому индивидуалисту) приходится одному идти "против коллектива". Приходит protagonista (и его заокеанского двойника Элвина Ауэрса) призвано мрачной романтикой борьбы с человекообразными носителями зла и в чём-то повторяет психологической настрой ранних рассказов Горького. В образе Олега Обухова своеобразно переплелись черты кумира советской молодёжи Павки Корчагина (Н.Островский, "Как закалялась сталь"). В эпоху нэпа отставной красный кавалерист Павел Корчагин бьётся за дисциплину, ответственность, строгое исполнение новых пролетарских законов, ищет душевную чистоту в любви, а ему противостоял Развалихин и прочие карьеристы из комсомольской номенклатуры, бездельный псевдоидеолог.

"ДЛ": В своих монографиях вы исследуете забытые страницы русской литературы и одновременно вы – прозаик. Не тяжелят ли теоретические дефициты перо?

В.Т.: Антиингилистические романы не раз служили творческим импульсом для авторов: "Бесы" Достоевского вдохновили японца Кэндзакуро Оэ создать роман "Футбол 1860", за который, в том числе, несколько лет назад он был удостоен Нобелевской премии. Теория лите-

туры и художественная проза удачно сочетались в творчестве Заматина, Тынянова, чуть позже – Олега Михайлова. На протяжении четверти века выступаю в двух ипостасях: как теоретик, исследующий умалчиваемые пласты русской литературы (антиингилистический роман, литературное творчество Ивана Ефремова), и как прозаик, нащупавший в современной российской словесности новую жанровую форму: русский антизападный рок-роман.

"ДЛ": Трудно ли сейчас литератору найти своего читателя?

В.Т.: В 1990-е годы закончилась эпоха беззаветной веры "инженерам человеческих душ", когда читатель выстраивал свою жизнь по примеру полюбоившихся литературных героев, благородных, честных, добрых, бескорыстных, готовых к духовному или физическому подвигу. Зовущая в "прекрасное далёко" книжная утопия

соцреализма слишком долго разнилась с реальностью пустых прилавков, воспитанные ею идеальности не уживались в трудовых коллективах, терпели жизненные неудачи. Вдобавок, сплочённая интернациональная бюрократия планомерно и безжалостно давила носителей интеллекта, выразителей национального сознания русского народа.

На заре "перестройки" транслируемое на всю страну обсуждение романа Чингиза Айтматова ещё собирало перед телевизорами общесоюзную аудиторию, "Кануны" Василия Белова в 1989 году оттепчали в "Роман-газете" в количестве 3,8 миллиона экземпляров... Сегодня новая книга известного писателя вряд ли вызовет такой интерес (исключение – "Обитель" Захара Прилепина). Выпустит его издательство тиражом 2-3 тысячи экземпляров себе в убыток, через полгода получат возврат из магазинов и сдаст за бесценок на лотки.

В современном мультимедийноконфессиональном пространстве роль писателя как проповедника нравственных истин сведена к нулю. Литературное ожидание на его произведения исчерпан. Интенсивной стала сама жизнь: пронизанная меркантилизмом, она требует полной самоотдачи от жителя мегаполиса. Для покупателя книга уже не товар, а услуга, которую модные book-лейблы оказывают ему, ищущему забвение от стрессов, в облюбованном мире adventure story, detective story, love story, fantasy или thriller.

Межкультурное коммуникативное пространство, где раньше безраздельно властвовала художественная литература, переместилось в Интернет (фэйсбук, твиттер, etc). О защите авторских прав умолчу: любое печатное издание можно "бесплатно" скачать с "профильного" сайта. Наиболее успешная из моих книг "Угаённые русские писатели" (М., "Знак", 2009) активно раскупалась по магазинам России от Санкт-Петербурга до Иркутска и за рубежом (Великобритания, США, Канада), но как только её засканированную копию выложили в "торрентах", индекс продаж резко упал. Хозяева подпольных хостингов рассуждают так: "Я купил книгу и дал почитать за деньги, почему я должен за это платить автору?" Без внесения изменений в соответствующие статьи УК здесь не обойтись.

"ДЛ": Нужны ли сегодня писатели и их произведения книжному рынку?

В.Т.: Коммерческие сети предпочитают торговать в мегаполисах, где обеспеченный покупатель способен заплатить за книгу 350-500

рублей. Поэтому произведения писателей, живущих на Дальнем Востоке и Камчатке, зачастую не знакомы сибирякам, а книги раскрученных столичных авторов на Урале в диковинку... "Художка" не приносит дохода, её присутствие в торговых залах ограничено, классиков выкладывают вперемешку с канцелярскими товарами, на которые есть спрос. В стране отсутствуют общегосударственный дистрибутор книжной продукции, соответственно, не принят федеральный закон об обязательном экземпляре (после развала "Роскнижки" его реализация невозможна). Такой правовой акт действует в Рязанской области: киоски, школьные библиотеки и пр. закупают по экземпляру новой книги местных издательств (до 900 штук).

Чтобы выставить добротное изданное в бумажном формате "Москва" и "Библиоглобус", нужно пройти фильтр книготорговой организации и выдержать нешуточную конкуренцию за

место на прилавке. Действует правило: первые два экземпляра должны быть куплены за две недели (maximum), в противном случае мерчендайзер снимает их с полки, возвращает дистрибутору и тот разрывает договор с автором-неудачником. В избежание издержек книготорговые организации, ещё работающие с индивидуальными физическими лицами, переложили на них функцию оплаты налога с продаж. Автор обязан подавать декларацию о доходах, иначе его оштрафует ИФНС. Не мудрено, что дистрибуторы охотнее сотрудничают с издательствами, штампующими "серийный" словопомолв в глянцеваых переплётах. Нанятый за гроши "книжной фабрикой", автор ломает стиль, подстраивается под утилитарные запросы невзыскательных покупателей и теряет творческую индивидуальность.

"ДЛ": Не исчезла ли сегодня потребность в книге у русского читателя?

В.Т.: Безбрежная читательская масса советской эпохи канула в лету. Людей, хотя бы раз в неделю берущих в руки книгу и пролистывающих её, осталось немного. В обеих столицах сложилась парадоксальная ситуация: издающих книги литераторов стало больше, чем читателей (в пропорции 1:0,5). Книги выпускаются микроскопическими тиражами, в электронных форматах (голосовом, и пр.), совместимых с айпадами, мобильниками, в виде комиксов (или кратких пересказов) с вложенными бонусами (DVD-диски... иконы). Тем, кто испытывает цейтнот на работе и дома, это позволяет познаться хотя бы в метре с содержанием шедевров, понять, что двигало поступками Наташи Ростовой или Андрея Болконского в былую малопонятную эпоху, когда не было интернета и мобильных.

Книга в переплёте объёмом в 20 условных печатных листов себестоимостью 300 рублей, изданная в Москве или Санкт-Петербурге, с учётом расходов на транспортировку по железной дороге или по воздуху в Красноярск будет стоить 500 рублей, в Чите – 700, а во Владивостоке – 900. Местный дистрибутор накрутит ещё, в магазине набавят и выставят по цене 1000-1100 рублей. Ну, и кто её купит? Некоторые уповают на технологию передачи гигабайтного оригинал-макета по оптоволоконным линиям, которая позволит заново отпечатать роман модного московского автора, скажем, в Комсомольске-на-Амуре. Но будут ли интересны "гламурные" шашины сытой публики "с Запада" Росий жителям Хабаровского края, у которых иные заботы? Культурная сегментация страны

нарастает и это вселяет тревогу.

"ДЛ": Как бы вы могли охарактеризовать нынешнюю литературную ситуацию?

В.Т.: Впервые со времён Пушкина русская литература выпала из механизма государственной власти. Постиндустриальная ориентированная на сырьевой сектор экономика сервисного типа не нуждается более в идеологической надстройке, оплачиваемой из госбюджета. Осколки бывшего Союза писателей СССР склеились в околотипарные группировки, копошащиеся вокруг собственности бывше-

Валерий ТЕРЕХИН

го СП СССР. Напринимали в "дочерние" союзы множество посторонних лиц, для которых литература – развлечение, ради арифметического увеличения числа членов, чтобы было чем торговаться с комитетами по управлению городским имуществом в пору "приватизации" нежилого фонда. Качественный уровень авторов, щеголяющих членскими билетами СП-симмуляж (нередко купленными за деньги), снизился до нуля. Назрела необходимость создать Объединённый союз писателей Российской Федерации (ОСП РФ). Для этого понадобилось недюжинные усилия литераторов как патриотического, так и либерального направления, а также литераторов, пишущих на национальных языках. Придётся идти на компромиссы, не бойтесь и без аттестации творческой состоятельности (её можно провести комиссия, составленная из университетских филологов под эгидой Министерства культуры РФ). Базой для нового ОСП РФ станут профсоюзы литераторов, организованные в субъектах РФ и имеющие лицензии на ведение предпринимательской деятельности. Не надо себя обманывать: в условиях рынка, стеснённого фискальными путями, любое "творческое" лицо – это предприниматель. Нелишне вспомнить, что "Общество для пособия нуждающимся литераторам и учёным" (первый общероссийский литературный фонд), организованное по инициативе А.Дружинина в 1859 году, действовало как касса взаимопомощи, куда скидывались складнином преупевающие литераторы (читай Некрасова) и их малоизвестные собратья по перу.

В отечественном литературном сообществе сейчас обозначилась трёхступенчатая иерархия: "литератор-краевед" (творческая активность замыкается в субъекте РФ), "национальный писатель" (известен в смежных регионах), "федеральный писатель" (обладает общероссийской известностью, членством в международных писательских объединениях и пр.) С учётом этой иерархии и нужно определять, где литератору достаточно быть членом республиканского, краевого или областного профсоюза, а где необходимо оформить его членство в дороговатоющем для государства ОСП РФ (все три уровня гарантируют достойный соцпакет и пенсионное обеспечение). Количество членов ОСП РФ не должно превышать 5000 человек. С таким внушающим доверие юридическим лицом, способным зарабатывать деньги (а не кланяться униженно из госбюджета), объединение мастеров художественного слова, чья озвученная и отснятая проза и поэзия удачно вписываются в ресурсы RUNet'a, будет считаться

зависшая в экаунтах власть. Ведь задача у отечественных литераторов сродни государственной: вдохновить народ на борьбу за сохранение национальной независимости России посредством художественного слова (воспринимаемого через книги, а теперь вот гаджеты и блог).

К сожалению, в литературном сообществе преобладают иждивенческие настроения. На страницах литературных изданий мелькают обращения из региональных писательских организаций к московскому "начальству": изыскать "субвенции" на содержание местного дома писателей, указываются конкретные суммы и пр. Коллеги, устройтесь на работу, скиньтесь из зарплат и оплачивайте "коммуналку" сами! Если талантливый литератор не обладает внятной профессией, ему не надо бояться непрестижного физического труда: социального статус дворника или уборщицы в офисе сейчас выше, чем у обладателя членского билета каково-нибудь липового "союза".

Впрочем, в "писатели" рвались всегда, будут рваться и в ОСП РФ... Искрение убеждён: настоящий талант всегда одиночка, он видит ситуацию на 15-20 лет вперёд, формирует образ, обгоняя время; его не понимают, не принимают, противостоят ему, ломают его, выживают отовсюду и пр. Наоборот, бойкий эпилепс всегда тяготеет к идеологической группе, этих всегда интересуют социальный статус, деньги и всё, что им сопутствует, они любят быть героями телеэкрана. Извечная литературная ситуация!

"ДЛ": Кого из современных авторов вы могли бы выделить, кого постоянно читаете?

В.Т.: С творчеством коллег знакомлюсь по рецензиям и критическим обзорам (на большее не хватает времени). Потихоньку читаю роман Юрия Козлова "Реформатор", по-моему, лучшее произведение русской литературы 2000-х годов. Впечатляет проза Георгия Баженова, который описывает без прикрас свирепые нравы русской глубинки ("Иду на смерть"). Сам принадлежу к поколению литераторов, начавших публиковаться в последние годы существования Советского Союза. Наиболее яркие его представители: Михаил Лайков, Дмитрий Быков, Александр Терехов, Олег Павлов, Алла Латынина, Александр Скоробогатов, Сергей Соколкин.

"ДЛ": Над чем вы сейчас работаете?

В.Т.: Более 10 лет назад закончил монографию, где на основе лучших произведений Ивана Ефремова ("Час Быка") и Леонида Леонова ("Пирамида") сформулировал новое направление русской литературы: мультиверсионный асинхронный реализм. Долго готовил к изданию собрание сочинений моего отца, известного русского советского поэта Леонида Терёхина, составил полную 80-страничную библиографию его публикаций ("Оратания Россия", М., "Знак", 2011). Накопил материал и для новой научной работы, к которой приступаю и в которой постараюсь совместить элементы теории литературы и ещё одной, негуманитарной, дисциплины.

"ДЛ": Сейчас многие литераторы создают биографии других писателей для серии "ЖЗЛ". Чья биография вызвала бы сегодня наибольший интерес у читателей?

В.Т.: Самого хитрого русского писателя из ныне живущих – Эдуарда Лимонова. Дай ему Бог долгих лет жизни. Честный человек, глаголет истину, власть предрекающим и не лезебит перед "электратом".

От редакции:
Напомним, что всегда даём нашим авторам возможность свободно излагать свою точку зрения, но оставляем за собой право на собственное мнение, тем самым прилашая читателя к дискуссии.

Газета «ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ» зарегистрирована в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций 9 апреля 2001 года
Регистрационный № ПИ 77-7768
Учредитель – БОНДАРЕНКО В.Г.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13,
Тел. редакции: 8-499-246-00-54. Наш сайт : <http://denlit.at.ua>
Служба распространения: 8-499-246-88-52.
Электронная версия: <http://zavtra.ru>. Электронный адрес: denlitera@yandex.ru
Газета отпечатана в ЗАО Красноярская типография, г. Красноярск,
Коммунальный квартал, 2. Общий тираж 10 000

**Главный редактор
Владимир БОНДАРЕНКО**
Выпускающий редактор Валентина ЕРОФЕЕВА

Подписано в печать 18.09.2014 г.

Заказ № 3394